

УДК 323.27

Есть ли у революции конец?*

Г.А. Цыкунов

Байкальский государственный университет, ул. Ленина 11, Иркутск, Россия
tsykunovga@gmail.com

Рецензируется монография М.Д. Северьянова и Л.Ю. Анисимовой, посвященная комплексному анализу роли революции в историческом развитии России, проблеме соотношения эволюции и революции, государства и революции. В рамках мировой истории исследуются политические, социально-экономические, культурные последствия революции для российской государственности и судеб народов, делается вывод об исторической обреченности тоталитарных режимов.

Ключевые слова: Россия; революция; эволюция; государство; власть; история; народ.

Does the revolution have an end?

G.A. Tsykunov

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia
tsykunovga@gmail.com

The article reviews the monograph of M.D. Severyanov and L.Yu. Anisimova, which is dedicated to a comprehensive analysis of the role of revolution in the history of Russia, the problem of the relationship between evolution and revolution, state and revolution. Within the framework of world history, the political, socio-economic, and cultural consequences of the revolution for the Russian statehood and the destinies of nations are explored. The conclusion is drawn that the totalitarian regimes are doomed.

Keywords: Russia; revolution; evolution; state; power; history; nation.

Вековой юбилей Октябрьской революции вызвал казавшийся потерянным интерес исследователей к этому неоднозначному российскому явлению. Одним из его проявлений стала монография красноярских ученых М.Д. Северьянова и Л.Ю. Анисимовой, рассмотревших проблему революции в контексте мировой истории. В работе присутствуют не только исторические, но и политические, правовые и социологические аспекты исследования, которые обеспечили комплексный подход к разработке данной темы. Примечательно, что авторы не претендуют на роль фальсификаторов истории российской революции, но предлагают свое видение революционных процессов и их последствий.

В начале работы определяется главное предназначение любой революции — менять ход национальной и мировой истории. Буржуазные

революции в Англии и Франции оказали огромное влияние на мировой исторический процесс, определили революционный способ смены государственного и общественного строя в качестве основной движущей силы. Поэтому российская революция 1917 г., так называемые постсоциалистические и постсоветские цветные революции рассматриваются в контексте мирового революционного процесса XX — начала XXI вв. Мировой опыт показывает, что распад крупных империй (Австро-Венгерской, Германской, Османской) сопровождался различными революциями и возникновением новых государств. Распад СССР как последней «разноплеменной империи», казалось бы, должен означать конец революционной веры в истории. Однако непрекращающиеся кровавые государственные перевороты на постсоветском пространстве свидетельствуют о живучести революционных способов смены власти.

Авторами определяются хронологические рамки великой российской революции — 1917–1937 гг.

* 2018. 324 .

Столь длительный период этого события объясняется наличием нескольких этапов во всякой революции, вызванных сломом старой и формированием новой власти, решением политических и социально-экономических проблем. Исходя из этой схемы поэтапного развития революции, отвергается «миф о якобы имевшей место революции 1905–1907 гг.» [1, с. 10, 11], что говорит об особом мнении авторов к дискуссионным вопросам. Однако наиболее спорным моментом выглядит оценка драматических событий периода августа-декабря 1991 г., которые называются свершившейся революцией в России. Согласно марксистско-ленинской теории, революции совершают народные массы, которые затем вовлекаются в революционный процесс, участвуют в государственных и экономических преобразованиях. В указанный период народные массы являлись лишь свидетелями развернувшейся борьбы за власть российских и союзных лидеров, во главу которой было поставлено существование советского государства. Подписание 8 декабря 1991 г. президентом России Беловежского соглашения о роспуске СССР, как и указ № 1400 (21 сентября 1993 г.), распустивший законно избранный и действующий парламент, носили антиконституционный характер. С правовой точки зрения, подобные действия можно квалифицировать как государственный переворот. Прокатившиеся по странам СНГ кровавые перевороты, названные «цветными революциями», на самом деле не имели ничего общего с революционным движением масс, а лишь служили прикрытием для свержения одной и прихода к власти другой национальной элиты. С этой точки зрения наиболее показательны кровопролитие на Украине в 2014 г., вошедшее в современную историю как «революция достоинства».

Определенное место в монографии отводится анализу классификации типов революций, из которых отдается предпочтение социальной революции, осуществляющейся с помощью народной силы. Катализаторами всех революций называются революционеры, «у которых искажены историческое сознание и мораль» [1, с. 30]. Вскрываются причины появления революционеров в России, к которым относятся действующие системы воспитания и образования, политические режимы, распространение радикальных революционных идей. Интересна постановка вопроса о роли интеллигенции в общечеловеческом развитии, ее российской специфике, отличавшейся чрезмерным увлечением западными

учениями, государственным и общественным устройством. В этом отношении показательны примеры современной российской интеллигенции, которая, забыв о благе народа, занялась собственным обогащением, проникая во властные структуры и не обладая при этом необходимым опытом государственного управления. Вполне уместным выглядит рассмотрение основных направлений современной общественно-политической мысли, в частности теории происхождения государства. Анализ всех достоинств и противоречий научных теорий позволяет авторам сделать вывод, что все они концентрируют внимание на человеке как стержне общества и государства [1, с. 70].

Значительным моментом в монографии является исследование политического, государственно-правового, экономического характера революционной власти. В рамках этой проблемы рассматривается марксистская концепция социальной структуры общества, которая формируется в системе производственных отношений. Однако основное внимание авторов обращено на формирование и развитие господствующего класса в СССР, к которому относится партийно-государственная бюрократия. Этому классу приписываются функции частного предпринимателя, торговца, фискала. Подобная власть-собственник обеспечивала монополию чиновников на выработку и проведение внутренней и внешней политики, лишала народ политической свободы. Не бесспорным выглядит утверждение авторов о том, что для социального продвижения в СССР нужно было стать коммунистом и чиновником [1, с. 92]. Не оспаривая сам факт сращивания партийной принадлежности с государственными должностями, все же надо отметить, что он касался лишь советских чиновников и не имел отношения к основной массе трудящихся.

Подобное монографическое исследование не могло не коснуться вопроса о правящей элите в советском государстве, к которой относились партийно-советские работники. В работе приводятся различные статистические данные о численности большевистской партии и ее руководящего ядра в первые два десятилетия советского общества. Отмечая устранение Сталиным старой партийной гвардии, авторы предпринимают попытку объяснить суть этого социально-политического явления. На страницах книги старая гвардия представляет собой людей, жив-

ших мыслями и чувствами прошлого, отчасти чуждыми реальной ситуации в России. Поднимается вопрос о фальсификации биографий известных деятелей коммунистической партии и советского государства, касающихся прежде всего их жертвенности, бескорыстности в деле служения народным массам. В книге представлено немало примеров из жизни отдельных партийных работников, стремящихся к личному обогащению и не несущих никакой ответственности за подобные действия ни перед законом, ни перед Сталиным. Вот здесь было бы уместно дать оценку современной российской элите, которая в методах собственного обогащения, в пренебрежении интересов и нужд народа многократно превзошла партийно-государственную элиту советского государства.

М.Д. Северьянов и Л.Ю. Анисимова большое внимание уделяют довольно противоречивому и в той же мере весьма деликатному вопросу о роли радикального еврейства в революции. Они пытаются выявить причинно-следственные связи между активным участием евреев в революционных событиях в России и их многочисленным представительством в партийных и советских органах. Активное участие этой нации в революции и создании советского государства объясняется такими национальными чертами еврейства, как повышенная социальная и политическая активность, способность к адаптации в непривычных условиях в сочетании с восточным фанатизмом и люмпен-авантюризмом [1, с. 138]. Репрессивные меры по отношению к евреям, вытеснение их из органов государственной власти авторы связывают с расхождением интересов большевиков и сионистов.

На страницах монографии поднимается вопрос об исторической обреченности идеократических тоталитарных режимов. Называются фашистские и военные диктатуры в Италии, Греции, Португалии, Германии, но во главу угла поставлен тоталитарный режим в СССР. Авторы дают широкую интерпретацию революционного движения в России, представленную эмигрантскими монархическими журналами. В них дается высокая оценка монархической власти и абсолютизма в России, которые объединили народы, обеспечили их существование и развитие, способствовали вызреванию демократии. Чего стоит хотя бы утверждение зарубежных монархистов, что «Николай II оставил Временному правитель-

ства могучую, дисциплинированную и снабженную всем необходимым армию, передал в неприкосновенности аппарат управления страной, которые тотчас же были разрушены» [1, с. 165]. С авторской точки зрения, начало формирования идеократического тоталитарного государства было положено октябрем 1917 г. В подтверждение этому приводятся высказывания российских эмигрантов В. Чернова, С. Маслова, Д. Мережковского, И. Ильина. Однако следует отметить, что у данных авторов преобладал не научный, а политический подход. В данном случае возникает необходимость в привлечении результатов исследований современной отечественной историографии, которые отсутствуют в книге.

Авторы книги отличаются еще одной новизной исследования, когда изменения в сфере семейно-брачных отношений в первые два десятилетия советской власти называют сексуальной революцией. Первоначально дается характеристика дореволюционной крестьянской семье, которая представляла собой традиционный тип семейной организации, отличалась авторитарной структурой и полным подчинением жены мужу, послушанием детей родителям [с. 190]. Советское законодательство стало строиться на новой идеологической основе, закрепляющей равное положение супругов в отношении выбора своего занятия, местожительства, права нажитое совместно имущество. В книге рассматриваются дискуссии об отождествлении фактического брака с зарегистрированным, о разводе и взыскании алиментов, усыновлении детей. Достоинством исследовательского подхода к этой проблеме является выделение основных периодов историографии о семье, интенсивности изучения вопросов, глубины их проработки. Нельзя не отметить анализ законодательной базы о семье и браке на разных этапах развития советского государства.

В заключительных разделах монографии рассматриваются политические и социально-экономические последствия российской революции. Утверждение авторов о том, что Сталин в 1930-х гг. создал новую коммунистическую партию, строится на утверждении личной диктатуры Сталина и уничтожении основного ядра партии в ходе политических процессов. Также отмечаются схожие черты у ВКП(б) и национал-социалистической партии Германии, когда Сталин заимствовал у Гитлера демократический ап-

парат диктатуры и воплотил его концепцию в СССР [1, с. 245]. Социально-экономические результаты революции начинают рассматриваться в сложнейший период перехода от «военного коммунизма» к нэпу. Отмечаются основные уроки «военного коммунизма», которые сводятся к тому, что большое сокращение дохода от налогов идет на пользу, а государственные расходы должны расти с доходами. Именно эти уроки необходимо было решать и использовать их в ходе реализации новой политики.

Исследователями поднимается вопрос об эксплуатации городского и сельского населения в период проведения индустриализации на примере его продовольственного снабжения. В связи с этим прослеживается динамика обеспечения рабочих и крестьян Восточной Сибири первоочередными продуктами питания, отмечается низкий уровень потребления у сельского населения, приведший к продовольственным трудностям и голоду. М.Д. Северьянов и Л.Ю. Анисимова отстаивают тезис о том, что нэп начался и закончился голодом [1, с. 280]. Начавшаяся коллективизация трактуется как одна из форм раскрестьянивания путем лишения крестьян собственной земли и собственности. В книге нет недостатка в беспощадной критике политики и практики коллективизации, их страшных последствий для многомиллионного крестьянства. Утверждение авторов о том, что колхозы развивались в условиях государственного капитализма, подкрепляются анализом организационной структуры и экономической деятельности этих хозяйств. Важнейшим аргументом служит факт постоянного контроля над колхозами со стороны государственной власти.

Вполне обоснованным в монографии выглядит вопрос об использовании государством принудительного труда в развитии экономики страны. Эпоха «великих строек» СССР связывается с ГУЛАГом. Приведенные статистические данные об арестованных и осужденных, о численности заключенных в лагерях, безусловно, свидетельствуют о масштабах репрессий в 1930–40-х гг. Более того, высказывается мнение, что промышленный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны был создан исключительно рабским трудом заключенных. В таком случае, где же те миллионы гражданских людей, усилиями которых и была создана передовая по тем временам

промышленность? В данном случае уместно было бы показать удельный вес заключенных в общей численности работников отдельных отраслей, создававших промышленные и оборонные объекты.

Столетний юбилей российской революции 1917 г. прошел как-то незамеченным со стороны не только нынешней власти, но и научной общестственности. Создается впечатление, что продолжавшиеся со времен горбачевской перестройки острые дискуссии по этой проблеме угасли и уступили место не менее жесткой полемике о будущем пути России. Поэтому выход в свет труда красноярских ученых можно расценивать как новое переосмысление содержания революции XX века для эволюционного развития российского государства в XXI веке.

В финальной части книги вполне логичным является обращение авторов к читателям, где они не обвиняют прошлое поколение россиян за их революционность и хотели бы, чтобы современники и будущие поколения соотечественников, несмотря на социальную несправедливость, постоянно заботились о культурном процветании России, а не о новых разрушениях [1, с. 302]. Однако это вполне благое пожелание может столкнуться с отсутствием у будущего поколения исторической памяти о великих свершениях и подвиге их предков. Революции прошлых столетий несли в себе не только разрушения, диктатуру и народные страдания, но и созидательные функции государственного, экономического, культурного переустройства общества. Именно этого направления в историческом анализе революции не хватает в данном труде.

Подводя итоги рецензирования монографии, следует сделать вывод, что авторами проделана большая работа, систематизирован значительный материал, охвативший целое столетие. Появление этого неоднозначного полемического труда, несомненно, будет способствовать проявлению научного интереса к проблеме революции как исторического явления.

Литература

1. Северьянов М.Д., Анисимова Л.Ю. Революция как историческое явление: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 324 с.